

УДК 81.37; 81.22.001.4

Т. Ю. Казанцева

Северская государственная технологическая академия
пр. Коммунистический, 65, г. Северск Томской области, 636036, Россия
E-mail: ktyu@yandex.ru

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ СЛОЖНЫХ ОСНОВООБРАЗУЮЩИХ ФОРМАНТОВ ГОТСКОГО ЯЗЫКА

Основообразующие форманты стали формальными показателями склонений лишь с течением времени. Первоначально формативы основ не были безразличны к семантике существительных и присоединялись только к определенным именам, выделяя их среди остальных. Сопоставительный анализ готских имен существительных со сложными основообразующими формантами все больше убеждает в древнем происхождении консонантных элементов *-j-*, *-w-*, *-n-*, поскольку морфологическая структура слова позволяет выявить более ранние элементы. Первоначальное значение одушевленности формантов *-j-*, *-w-* со временем теряется, лишь показатель *-n-* сохраняет значение одушевленности, а гласные элементы показывают принадлежность к роду.

Stem-building markers became the formal factors of the declensions only in the course of time. Originally, they were susceptible to the semantics of the nouns and joined to certain names only. Complex analysis of nouns with consonantal elements *-j-*, *-w-*, *-n-* in Gothic convinces us of the ancient origin of the markers *-j-*, *-w-* as the morphological structure of the word reveals earlier elements. Every stem-building marker with a consonantal element possesses its specific feature and expresses more concrete lexical meaning. The original meaning of the consonantal markers *-j-*, *-w-*, *-n-* was connected with an earlier category – the category of animateness/inanimateness, i. e. they were markers of animateness but they lost this meaning. Only the marker *-n-* has kept the meaning of animateness, and vowel markers show the grammatical gender.

Большинство ученых отмечают, что парадигмы склонения построены согласно основообразующему форманту. Древнегерманские языки, в том числе и готский, сохранили деление существительных в парадигме склонения по основообразующему форманту. Группировка существительных по основообразующему признаку, возможно, напоминала деление существительных на классы и разряды слов [Fodor, 1959. Vol. 8.1. P. 16].

Мало что известно о грамматической функции древнегерманских основообразующих формантов, кроме того, что они являлись признаком, во-первых, того или иного склонения, во-вторых, определенных группировок существительных. К сожалению, не проясняет это положение и индоевропеистика, хотя делались попытки связать деление существительных по основам с общностью их семантики [Десницкая, 1941.

С. 49–55; Ильиш, 1973. С. 25]. Попытки семантизировать основообразующие форманты предпринимались не раз начиная с К. Бругмана [Brugmann, 1892. S. 430].

Впервые У. Вундт высказал мысль о том, что индоевропейские именные основы представляют собой пережиток древней классификационной системы [Wundt, 1900. S. 17–18]. Позднее она получила развитие в работе А. Кюни, который пытался семантизировать тип основ на *-u* как древнюю категорию парных предметов, например, готск. *kin-nus* «щека», готск. *kniu* «колени», готск. *handus* «рука» и т. д. [Cuny, 1924. P. 450].

Как и в других древнегерманских языках, в готском языке принцип деления по основам сосуществует с делением по родам. Бывшие немаркированные основы по принципу рода сосредоточивают в своих склонениях большое количество одушевленных имен. Естественно, что лексическое значе-

ние существительных в какой-то мере отражает былое индоевропейское состояние, когда к одушевленным именам относилось все живое, растущее, а также социально значимые вещи. Поэтому лексический состав реликтовых склонений является одним из важнейших факторов при выяснении роли и значения основообразующих формантов. По логике вещей, основообразующие форманты стали формальными показателями склонений лишь с течением времени. Первоначально формативы основ не были безразличны к семантике существительных и присоединялись только к определенным именам, выделяя их среди остальных. Мысль Г. А. Климова о том, что свойство активных или одушевленных имен приобретать суффиксы неотторжимой принадлежности, согласуется с мыслью О. А. Осиповой о том, что основообразующие форманты (суффиксы) появляются с потребностью выделить определенный класс слов [Климов, 1977. С. 149–150, 153; Осипова, 1980. С. 26]. Такими маркерами, несущими сему одушевленности, можно считать готские форманты *-n-*, *-j-*, *-w-*, которые входят в состав сложных основообразующих формантов: *-ja-*, *-jō-*, *-jan-*, *-jōn-*, *-wa-*, *-wō-*, *-wan-*, *-wōn-*.

Первоначально немаркированными в родовом отношении реликтовыми основами являлись готские парадигмы *u*-основ мужского и женского родов, *r*-основ мужского и женского родов и генетически сюда же относились *n*-основы всех трех родов [Историко-типологическая морфология..., 1977. С. 148]. В готском языке и в языке рунических надписей, как отмечает М. М. Гухман, «наблюдается смешение вариантов разных классов, проникновение моделей более продуктивных классов в парадигму классов многочисленных по своему лексическому охвату, процесс, который осуществляется в отдельных германских языках с разной степенью интенсивности: исчезают относительно рано еще к XII в. в большинстве языков малопродуктивные типы склонения, число классов сокращается и только модели образования мн. числа сохраняют реликты старых классов склонения...» [Гухман, 1981. С. 73–74]. Поскольку реликты склонения шире представлены в готском языке, то при анализе существительных *ja-*, *jō-*, *wa-*, *wō-*, *jan-*, *jōn-*, *wan-*, *wōn-*-основ

будем базироваться на готском языке, проводя параллели с другими древнегерманскими языками.

Взяв за основу германские языки, приступим к комплексному анализу *ja-*, *jō-*-основ. В научной литературе неоднократно отмечалось, что система форм *jō-*-основ в общеиндоевропейском (герм. *jā-*-основа) в целом та же, что и в склонении основ на *-ō* (герм. *ā-*-основа) [Krahe, 1948. S. 74; Гухман, 1958. С. 78–81; Бруннер, 1956. С. 6; СГГЯ, 1963. С. 150, 184; Lass, 1997. P. 125]. По мнению М. М. Гухман, германские имена *ja-*, *jō-*-основ представляют многочисленную группу существительных [Гухман, 1958. С. 78]. По своему происхождению *ja-*, *jō-*-основы, будучи маркированными показателями рода (*-a-*, *-ō-*), приобрели те же падежные окончания по формальному признаку, что и *a-*, *ō-*-основы. Поэтому данные основы принято считать вариантами *a-*, *ō-*-основ. В наших исследованиях готские основообразующие форманты *-ja-*, *-jō-* определяются как сложные, содержащие более древний консонантный элемент *-j-*.

Многие лингвисты описывали особенности развития *-j-*, когда *i* (*j*) переходил в гласный *i* в абсолютном конце слова и перед согласным [Krahe, 1948. S. 74; Мейе, 1938. С. 320; Гухман, 1958. С. 63].

Можно выделить две группы существительных *ja-*, *jō-*-основ.

1. Существительные м. р. с кратким гласным и большинство существительных ср. р. независимо от структуры корня сохраняют *j* во всех падежах, кроме абсолютного конца слова, где *j* переходило в *i*. По мнению большинства ученых, в склонении готского существительного м. р. *harjis* «войско» основой является *harja-*, и у существительного ср. р. *kuni* «род» – *kunja-* [Krahe, 1948. S. 74; Гухман, 1958. С. 78; Задорожный, 1960. С. 155].

2. Существительные м. р. с долгим гласным закрытого слога, скоплением согласных или многосложных существительных, а также единичные существительные ср. р. имели стяжение *ji > ei*, когда *-j-* основы оканчивались перед *-i-* падежного окончания; в абсолютном конце слова *j* вокализуется в *i* [Jellinek, 1926. S. 104, 105; Гухман, 1958. С. 64, 78; Задорожный, 1960. С. 155].

На примере готской парадигмы кратко- и долгосложных образований рассмотрим их склонения:

Краткосложные				Долгосложные			
		м. р.		ср. р.		м. р.	
ед. ч.	им. п.	<i>harjis</i>	«войско»	<i>kuni</i>	«род»	<i>hairdeis</i>	«пастух»
	род. п.	<i>harjis</i>		<i>kunjis</i>		<i>hairdeis</i>	
	дат. п.	<i>harja</i>		<i>kunja</i>		<i>hairdja</i>	
	вин. п.	<i>hari</i>		<i>kuni</i>		<i>hairdi</i>	
мн. ч.	им. п.	<i>harjōs</i>		<i>kunja</i>		<i>hardjōs</i>	
	род. п.	<i>harjē</i>		<i>kunjē</i>		<i>hairdjē</i>	
	дат. п.	<i>harjam</i>		<i>kunjam</i>		<i>hairdjam</i>	
	вин. п.	<i>harjans</i>		<i>kunja</i>		<i>hairdjans</i>	

Итак, элемент *-j-* присущ косвенным падежам, как и в других консонантных основах.

Во вторую группу входили преимущественно имена существительные мужского рода: *lekeis* «врач»; *bokareis* «книжник»; *asneis* «слуга», «поденщик»; *motareis* «сборщик налогов», «мытарь»; *ragineis* «советчик»; *hvaiteis* «пшеница» и др. В ср. р. в готском языке не проводятся различия между кратко- и долгосложными образованиями.

В различных ареалах индоевропейской языковой общности *jā*-основы (герм. *jō*-основы) представлены рядом гетерогенных образований: собственно *jā*-основы, в отдельных случаях *ī*-основы [СГГЯ, 1963. С. 184]. М. М. Гухман подчеркивает, что готские существительные с основами на *-jō* имели варианты основообразующего суффикса *-jō-* / *-ī* [Гухман, 1958. С. 81].

Для примера возьмем два имени существительных с основой на *-jō* и, склоняя их, рассмотрим особенности, характерные для данного типа основ.

Долгосложные				Краткосложные			
		им. п.				им. п.	
ед. ч.	им. п.	<i>bandi</i>		«оковы»	<i>banja</i>	«рана»	
	род. п.	<i>bandjōs</i>			<i>banjōs</i>		
	дат. п.	<i>bandjai</i>			<i>banjai</i>		
	вин. п.	<i>bandja</i>			<i>banja</i>		
мн. ч.	им. п.	<i>bandjōs</i>			<i>banjōs</i>		
	род. п.	<i>bandjō</i>			<i>banjō</i>		
	дат. п.	<i>bandjōm</i>			<i>banjōm</i>		
	вин. п.	<i>bandjōs</i>			<i>banjōs</i>		

Как видно из примеров, окончания различаются в им. п. ед. ч. Различие окончаний им. п. ед. ч. *-i* и *-a* можно связать со структурным различием: окончание *-i* представлено в готском *bandi* – долгосложном образовании, а окончание *-a* в готском *banja* – краткосложном образовании. Также готские существительные типа *tawī* «девушка», восходящее к *magus* «мальчик», *piwi* «служанка» – *pius* «слуга», не являются исключениями [Jellinek, 1926. S. 110; Гухман, 1958. С. 81; Задорожный, 1960. С. 160; СГГЯ, 1963. С. 185].

Г. Ломмель показал, что в готском, также как и в других германских языках, данное различие не является исконным [Lommel, 1912. S. 72–77]. Указывая на то, что в готском в им. п. ед. ч. следует видеть форманты

различных основ, Г. Ломмель не пытался объяснить, почему в готском все же имеется соотносительность исходов *-i* и *-a* со структурой основы. Вероятно, в раннегерманском существовало противопоставление *jō*-основ *ī*-основам, закрепленное различными парадигмами. В позднегерманском, как и в других индоевропейских языках, различия между *ī*-основами и *jō*-основами стирались [Jellinek, 1926. S. 110; Гухман, 1958. С. 81; СГГЯ, 1963. С. 185]. И лишь в отдельных падежных формах продолжали сохраняться осколки прежней системы. В готском языке эти остаточные образования были втянуты в новую именную парадигматику.

Имена существительные в готском с основой на *-jō* можно разделить на две группы. В первую входят существительные с

кратким гласным и простым согласным в корне: *ludja* «лицо»; *skalja* «чаша весов», «черепица», «кирпич»; *sibja* «родственные отношения», «родня»; *sunja* «правда», «истина»; *winja* «пастбище», «выгон» и др. Многие ученые подчеркивали тот факт, что данное склонение не отличается от склонения с основой на *-ō* [Krahe, 1948. S. 77; Бруннер, 1956. С. 8; Гухман, 1958. С. 81; Задорожный, 1960. С. 160]. С нашей точки зрения, это совпадение происходит формально, поскольку имеются в виду падежные показатели, а не морфологическая структура данного основообразующего форманта *-jō-*.

Во вторую группу входят имена существительные многосложные, а также с долгим гласным, дифтонгом или скоплением согласных в корне: *aihvatundi* «терновник», «репейник»; *aqizi* «топор»; *eisarnabandi* «оковы»; *fotubandi* «кандалы»; *frijondi* «подруга»; *gabundi* «связь»; *haiþi* «степь», «невозделанное поле»; *jukuzi* «ярмо, гнет», «перевал»; *wasti* «одежда» и др. Кроме того, сюда же относятся существительные с кратким гласным: *mawi* «девушка»; *þiwi* «служанка»; *awi* «овца».

Морфологическая значимость сложных основообразующих формантов *-ja-*, *-jō-* тесно связана с их позицией в слове. Некоторые лингвисты утверждают, что основообразующий элемент, представленный между корнем и флексией, может интерпретироваться двояко: его можно рассматривать либо как самостоятельную морфему, либо как часть нового форманта [Dokulil, 1962. S. 215; Макаев, Кубрякова, 1971. С. 208]. Например, род. п. ед. ч. готских имен *har-j-is* «войско»; *kun-j-is* «род»; *band-j-ōs* «оковы»; дат. п. мн. ч. *har-j-am*, *kun-j-am*, *band-j-ōm*, где выясняется отношение данных слов к роду с помощью элементов *-a-*, *-ō-*: *har-jam* – м. р., *kunjam* – ср. р., *bandjōm* – ж. р. Элемент *-j-*, функционируя в косвенных падежах, определяет тип основ: *har-j-am* – *ja*-основа, *kun-j-am* – *ja*-основа, *band-j-ōm* – *jō*-основа, поскольку «означающее индоевропейского корня определяется только консонантными элементами» [Одри, 1988. С. 39].

Многие ученые неоднократно отмечали, что существование нескольких функций в одном форманте отражает разные периоды развития одного языка [Гухман, 1956. С. 212; Ярцева, 1960. С. 49–60; Макаев, 1970. С. 10–11]. Так, М. М. Гухман

подчеркивает: «Нередко старый словообразовательный показатель использовался в дальнейшем развитии индоевропейских языков в качестве словоизменительного форманта, вследствие чего в системе одного языка, являющейся результатом развития в течение ряда эпох, отлагались явления, относящиеся к разным периодам... Тесная связь словоизменения и словообразования проявляется также в древних индоевропейских языках в той зависимости оформления склонения имен от структуры именной основы, которая и создавала большую дробность классов в системе именного склонения» [Гухман, 1956. С. 212].

Во многих случаях трудно установить первоначальное значение основообразующих формантов, поскольку своей большей частью они потеряли значение еще в далекие дописьменные времена, а также некоторые имена переходили из одного типа склонения в другой. Так, например, готское имя *kuni* «род» перешло из склонения имен с основой на *-i* в склонение имен с основой на *-ja*. По нашему мнению, показатель *-j-* сложных основообразующих формантов *-ja-*, *-jō-* мог использоваться самостоятельно. Относительно первоначальных значений формантов можно сказать, что некоторые из них все же известны. На определенном этапе развития германских языков консонантные форманты, являясь словообразовательными, выполняли роль маркеров одушевленности / активности [Осипова, 1980. С. 69].

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что именно такую роль и выполнял показатель *-j-* сложных основообразующих формантов *-ja-*, *-jō-*.

Широкое распространение среди категории имени действующего лица получили существительные с основой на *-ja*. Большое количество существительных, образованных с помощью *-ja-* в готском языке, указывает на продуктивность данного форманта, например: *asneis* «поденщик»; *ragineis* «советник»; *siponeis* «ученик»; *lekeis* «врач»; *fauramathleis* «начальник»; *witodafasteis* «блюститель закона» и др.

Довольно продуктивным суффиксом модели действующего лица являлся и готский основообразующий формант *-jan-*, например: *arbja* «наследник», *aurtja* «виноградарь», *baurgja* «городской житель», *bandja* «пленник» и т. д.

Возможно, значение одушевленности закрепились за формантами *-n-*, *-j-* в силу того, что они были свойственны *nomina agentis* [Осипова, 2004. С. 12]. Включая сему одушевленности эти показатели постепенно начинают присоединяться к именам, которые не являлись *nomina agentis*, но семантика которых не противоречила значению одушевленности. На этой основе данные показатели превратились в формальные признаки этих склонений.

В готском языке существительные с основой на *-jōn* образуют три подгруппы: конкретные – 11, абстрактные – 8, одно существительное с собирательным значением. Существительные *jōn*-основ как бы перекидывают мост от *ōn*-основ к *ein*-основам. Соответственно часть из них тяготеет к *ein*-основам – это абстрактные существительные, в основном производные [Kluge, 1926. S. 21–22; Гухман, 1958. С. 87–88], т. е. более поздние образования. Отметим лишь, что некоторые из них, например *raþjō*, *ga-timrjō*, образованы от основы настоящего времени активных готских глаголов – *raþjan* «считать», *timrjan* «возводить». Следовательно, первоначально данные существительные могли обозначать предметы или понятия, передающие активный процесс, действие.

Конкретные имена *jōn*-основ являются или явными заимствованиями, как, например, *akklesjō* и *aiwaggeljō*, или простыми словами по своей структуре, в основном обозначающими живых существ или активных объектов, например: *arþjō* «наследница», *brunþjō* «панцирь, броня», *garunþjō* «поток, вода, наводнение», *niþjō* «родственница», *skaurþjō* «скорпион». Заимствования можно было бы не принимать во внимание, так как они могли быть причислены к *jōn*-основам по чисто формальным признакам. Однако исследование употребления существ-

вительного *aiwaggeljō* «проповедь» показывает, что это слово также встречается и в склонении существительных *ja*-основ ср. р. – *aiwaggeli* «проповедь».

В группе конкретных существительных только *tanþjō* «корзина, короб» и *snorþjō* «корзина» не обозначают живых существ, хотя, судя по всему, являлись социально значимыми вещами. В готском языке существует целый ряд существительных, которые с синхронной точки зрения не ощущаются как имена действующего или одушевленного лица, но восстанавливаются как таковые этимологическим путем. Следовательно, основообразующий формант в этих словах и играл словообразовательную роль и передавал отношения принадлежности, которые развились у косвенного падежа, падежа активных имен.

В лингвистической литературе распространенным является мнение о том, что группа существительных *wa-*, *wō-*основ является весьма малочисленной. В трудах многих германистов прослеживается история данных основ [Гухман, 1958. С. 78–81; СГТЯ, 1963. С. 174, 187; Задорожный, 1960. С. 155–160; Krahe, 1948. S. 75], но имеющийся материал не касается структуры основообразующих формантов *-wa-*, *-wō-*, а также семантики существительных, объединенных данными формантами.

Приступим к анализу склонения существительных *wa*-основ. В данном склонении выделяются две группы, обусловленные особенностями развития элемента *-w-* в готском языке: 1) долгосложные образования; 2) краткосложные образования. В качестве примера приведем склонения долгосложных образований готских существительных с основой на *-wa*:

	м. р.		мн. ч.	ср. р.		мн. ч.
	ед. ч.			ед. ч.		
им. п.	<i>aiws</i>	«время»,	<i>aiwōs</i>	<i>hlaiw</i>	«могила»	<i>hlaiwa</i>
род. п.	<i>aiwis</i>	«вечность»	<i>aiwē</i>	<i>hlaiwis</i>		<i>hlaiwē</i>
дат. п.	<i>aiwa</i>		<i>aiwam</i>	<i>hlaiwa</i>		<i>hlaiwam</i>
вин. п.	<i>aiw</i>		<i>aiwans</i>	<i>hlaiw</i>		<i>hlaiwa</i>

Из приведенных примеров видно, что элемент *-w-* сохраняется во всех падежах.

Перейдем к рассмотрению группы краткосложных образований:

	м. р.		ср. р.	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
им. п.	<i>þius</i> «слуга»	<i>þiwōs</i>	<i>kniu</i> «колени»	<i>kniwa</i>
род. п.	<i>þiwis</i>	<i>þiwē</i>	<i>kniwis</i>	<i>kniwē</i>
дат. п.	<i>þiwa</i>	<i>þiwam</i>	<i>kniwa</i>	<i>kniwam</i>
вин. п.	<i>þiu</i>	<i>þiwans</i>	<i>kniu</i>	<i>kniwa</i>

В большинстве трудов подчеркивается сходство склонения существительных *wō*-основ с чистой *ō*-основой [Гухман, 1958. С. 81; СГГЯ, 1963. С. 187]. Однако такое сходство можно считать чисто формальным.

Представим склонение готского имени *wō*-основ на примере *triggwa* «завет», «верность»:

	ед. ч.	мн. ч.
им. п.	<i>triggwa</i>	<i>triggwōs</i>
род. п.	<i>triggwōs</i>	<i>triggwō</i>
дат. п.	<i>triggwai</i>	<i>triggwōm</i>
вин. п.	<i>triggwa</i>	<i>triggwōs</i>

Учитывая парадигму склонения готских имен *wa*-, *wō*-основ, где *-w*- сохраняется, по крайней мере, в двух косвенных падежах, можно определить показатель *-w*- сложных основообразующих формантов *-wa*-, *-wō*- в качестве самостоятельного и наиболее древнего элемента.

Во многих случаях трудно установить, принадлежало ли то или иное слово в древности действительно к классу, характеризовавшемуся данным показателем, представляет ли оно собой позднее образование по уже существующему типу или перешло путем аналогизации из другого типа основ. А. В. Десницкая считает эту задачу особенно сложной в отношении наиболее распространенных типов основ на *-a*, *-ō* [Десницкая, 1984. С. 59]. В научной литературе указывается на то, что флексия *wa*- основ ничем не отличается от флексии *a*-основ [СГГЯ, 1963. С. 174]. Следует отметить, что слова, которые переставали обозначать активные начала, часто переходили в парадигмы склонений на гласные основы. Поэтому объединение *wa*-, *wō*-основ с *a*-, *ō*-основами, скорее всего, происходит по формальным признакам, т. е. падежным окончаниям. Можно предположить, что основы на *-wa*, *-wō* относятся к особому типу, поскольку консонантный элемент *-w*- является самостоятельным и обладает определенной семантикой.

Одним из основных вопросов данного исследования является рассмотрение морфологической структуры слова со сложными основообразующими формантами, так как «именно морфология часто сохраняет следы старого употребления и позволяет восстановить очень древние структуры» [Одри, 1988. С. 100] и именно в морфологии «следует изучать в равной степени все, что связано с построением и структурной слова» [Кубрякова, 1972. С. 172].

Поскольку положение старых основообразующих формантов (суффиксов) в морфологической системе германских языков неясно, то определение морфемного состава этих основ в древнегерманских языках весьма затруднено [СГГЯ, 1963. С. 18].

В лингвистической литературе показаны модели, которые занимают разные позиции в морфологической системе германских языков и относятся к разным историческим пластам. Распространенным является мнение, что старые трехморфемные модели, включающие корень + основообразующий суффикс или тематический гласный + окончание, оказываются непродуктивными, а двухморфемные модели: корень = основа + окончание, занимают центральную позицию в системе [Там же. С. 9]. Однако в ряде древнегерманских языков имеются морфологические модели, в которых пережитки старых структурных отношений все еще сохраняются и где морфологическое членение словоформ представляет большие трудности. Так, например, сопоставление словоформ мн. ч. чистых *a*-основ и основ на *-wa* в древнеисландском обнаруживает наличие в последних дополнительных элементов: им. п. ед. ч. *armr* – им. п. мн. ч. *arm-ar*, но им. п. ед. ч. *horr* «лен» – им. п. мн. ч. *hor-v-ar*; род. п. мн. ч. *arm-a*, но *hor-v-a* и т. д. [Там же. С. 20]. В германских языках, в том числе и готском, разные типы основ обнаруживают разную степень устойчивости старого морфемного строения; определяющую роль играет объемность основообразующего форманта.

Как было показано выше, в готском языке в существительных с основами на *-wa*, *-wō* элемент *-w-* сохраняется, по крайней мере, в двух косвенных падежах, например, род. п. ед. ч. *kni-w-is* «колени», *trigg-w-ōs* «завет»; дат. п. ед. ч. *kni-w-a*, *trigg-w-ai*. Возникает вопрос, можно ли здесь говорить либо о наличии самостоятельной морфемы, либо о части нового форманта? Следует обратить внимание на то, что морфологическая значимость старых основообразующих формантов тесно связана с их позицией в слове. Так, как уже отмечалось, основообразующий формант может интерпретироваться двояко, когда оказывается между корнем и флексией. Например, вин. п. мн. ч. *þi-wa-ns* «слуга» (*wa*-основа, ж. р.); *trigg-w-ōs* «завет» (*wō*-основа, ж. р.); также формы дат. п. мн. ч. *þi-wa-m*; *trigg-wō-n*. Данные примеры позволяют установить, что формант *-w-* ближе расположен к корню (основе). Поскольку следование формантов (суффиксов) сложилось исторически, то элемент *-w-* более древний, который первоначально имел значение одушевленности, как и консонантные показатели *-j-*, *-n-*. Гласные элементы *-a-*, *-ō-* показывают уже поздние родовые отношения. Самыми поздними в структуре слова являются падежные окончания [Décsy, 1990. P. 70, 77].

Итак, к маркерам одушевленности *-w-*, *-j-* стали прибавляться гласные элементы *-a-*, *-ō-*, которые в лингвистической литературе

определяются в качестве принадлежности к мужскому и женскому роду соответственно.

Поэтому можно предположить, что при развитии склонения и внутриморфемной маркировки рода в сложных основообразующих формантах *-ja*, *-jō-*, *-wa-*, *-wō-* существует два родовых маркера, если одушевленность признать родовой категорией. Один из этих маркеров теряет свое прежнее значение (одушевленности) и одушевленность начинает ассоциироваться с определенным родом: показатели одушевленности *-w-*, *-j-* + показатель м. р. *-a-* и ж. р. *-ō-*. Поскольку маркировка мужского и женского родов появилась позже, то группу существительных, оформленных формантами *-w-*, *-j-*, могло объединять значение одушевленности. В это же время проявляется отличие одушевленных имен от неодушевленных (ср. р.). Данная оппозиция затрагивает уже новые средства – падежные показатели.

Из вышесказанного можно заключить, что морфологическая структура имени со сложными основообразующими формантами сохраняет функционирование консонантных элементов и первоначальную маркировку рода (до согласовательной стадии).

Группы существительных *wan-*, *wōn-* основ немногочисленны, с основами женского рода на *-wōn* составляет 7 слов, такое же количество существительных мужского рода относится к основам на *-wan*. Приведем список имен с данными основами:

wan-основы

<i>allawaurstwa</i>	«совершенный»
<i>bidagwa</i>	«нищий»
<i>gawaurstwa</i>	«сотрудник»
<i>skuggwa</i>	«зеркало»
<i>sparwa</i>	«воробей»
<i>waurstwa</i>	«рабочий»
<i>wilwa</i>	«разбойник»

wōn-основы

<i>bandwō</i>	«знак»
<i>gatwō</i>	«маленькая улица»
<i>þeihvō</i>	«гром»
<i>uhtwō</i>	«рассвет»
<i>unwaurstwō</i>	«праздный»
<i>wahtwō</i>	«бдение», «караул»
<i>widuwō</i>	«вдова»

Как утверждает О. А. Осипова, все существительные *wan*-основ могут обозначать одушевленные денотаты в понятии древних [Осипова, 1980. С. 67]. Из существительных *wōn*-основ только два обозначают активные имена: *widuwō* «вдова» и *unwaurstwō* «праздный». Судя по всему последнее слово более позднего происхождения, так как образовано от готского существительного *waurstw* «работа, дело», которое, в свою очередь, восходит к активному глаголу *waurkjan* «работать, делать» [Uhlenbeck,

1896. S. 155, 165]. По индоевропейскому понятию одушевленности у древних сюда же можно отнести готские имена типа *uhtwō* «рассвет» и *þeihvō* «гром». Остальные имена существительные *wan*-основ обладают реляционной семантикой.

Малое количество существительных женского рода с основами на *-wōn* и их неоднородный состав в семантическом плане позволяет предположить, что «в них слилось несколько вариантов индоевропейских основ» [Осипова, 1980. С. 67].

Таким образом, можно заключить, что основообразующие форманты *-wan-*, *-wōn-*, как и *-wa-*, *-wō-*, являются сложными и по структуре, и по значению. Во-первых, они состоят из консонантных элементов *-w-*, *-n-* и гласных *-a-*, *-ō-*. Во-вторых, показатель *-w-* теряет значение одушевленности, а *-n-* сохраняет его. В данном случае речь идет о двойной маркировке одушевленности, поскольку для индоевропейских языков характерно явление плеоназма, когда для выражения одного значения существует много средств. Гласные элементы *-a-*, *-ō-* данных формантов показывают более поздние родовые отношения.

Проанализировав основы на *-ja*, *-jō*, *-wa*, *-wō*, *-jan*, *-jōn*, *-wan*, *-wōn*, все больше убеждаемся в древнем происхождении консонантных формантов *-j-*, *-w-*, *-n-* поскольку морфологическая структура слова позволяет выявить более ранние элементы.

Список литературы

- Бруннер К.* История английского языка: Пер. с нем. С. Х. Васильевой. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. Т. 2. 391 с.
- Гухман М. М.* Готский язык. М.: Иностран. лит., 1958. 288 с.
- Гухман М. М.* Историческая типология и проблема диахронических констант. М.: Наука, 1981. 248 с.
- Гухман М. М.* Приемы сравнительно-исторического изучения словоизменения // Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 209–285.
- Десницкая А. В.* Именные классификации и проблема индоевропейского склонения // Изв. АН СССР. Сер. ОЯЛ. 1941. № 3. С. 49–55.
- Десницкая А. В.* Именные классификации и проблема индоевропейского склонения // Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984. С. 57–70.
- Задорожный Б. М.* Порівняльня фонетика і морфологія готської мови. Львів, 1960. 297 с.
- Ильиш Б. А.* История английского языка. Л.: Просвещение, 1973. 351 с.
- Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени / Отв. ред. М. М. Гухман. М.: Наука, 1977. 360 с.*
- Климов Г. А.* Типология языков активно-го строя. М.: Наука, 1977. 320 с.
- Кубрякова Е. С.* О соотношении парадигматических и словообразовательных рядов в германских языках // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. М.: Наука, 1972. С. 172–188.
- Макаев Э. А.* Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.
- Макаев Э. А., Кубрякова Е. С.* О морфологическом статусе основообразующих элементов в готском языке // Фонетика. ФONOлогия. Грамматика. К 70-летию А. А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 204–210.
- Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: Л.: Соцэконгиз, 1938. 510 с.
- Одри Ж.* Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. С. 24–121.
- Осипова О. А.* Отражение категории одушевленности / неодушевленности в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка). Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1980. 130 с.
- Осипова О. А.* Типология как один из методов лингвистической реконструкции // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы: Сб. науч. тр. / Отв. ред. О. А. Осипова. Томск: Центр учеб.-метод. лит. ТГПУ, 2004. Т. 2. С. 9–15.
- СГГЯ – Сравнительная грамматика германских языков / Отв. ред. М. М. Гухман и др. М.: Наука, 1963. Т. 3. 455 с.*
- Ярцева В. Н.* Историческая морфология английского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 194 с.
- Brugmann K.* Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1892. Bd. 2. 1438 S.
- Cuny A.* Etudes Prégrammaticales sur le Domaine des Langues Indo-Européennes et Chamito Sémitiques. P., 1924. 637 p.
- Décys G.* The Uralic Protolanguage: A Comprehensive Reconstruction. Bloomington, Indiana: Eurolingua, 1990. Vol. 9. 148 p.
- Dokulil M.* Tvoření Slov v Češtině. Praha, 1962.
- Fodor I.* The Origin of Grammatical Gender // Lingua. 1959. Vol. 8.1. P. 1–41. Vol. 8.2. P. 186–214.
- Jellinek M. H.* Geschichte der Gotischen Sprache. Berlin; Leipzig, 1926. 209 S.
- Kluge F.* Nominale Stammbildungslehre der Altgermanischen Dialekte. 3. Aufl. Halle: Max Niemeyer Verlag, 1926. 155 S.

Krahe H. Historische Laut-und Formenlehre des Gotischen. Heidelberg, 1948. 143 S.

Lass R. Old English. A Historical Linguistic Companion. Cambridge: Univ. Press, 1997. 300 p.

Lommel H. Studien über die Indogermanische Femininbildungen. Göttingen, 1912. 235 S.

Uhlenbeck C. C. Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache. Amsterdam, 1896. 174 S.

Wundt W. Volkerpsychologie. Leipzig, 1900. 195 p.

Материал поступил в редколлегию 25.09.2006